

Социология перемен

Настоящей подборкой редакция завершает публикацию серии материалов, посвященных " социологическим" итогам десятилетия посткоммунистических преобразований в Восточной Европе (см. №№ 5-9 журнала). Многое из того, о чем шла речь в этих работах, прямо или косвенно характеризует трансформационные процессы этого периода и в России. Редакция намерена продолжить обсуждение темы и публикует в данном номере два материала, посвященные российским реалиям десятилетия.

Приглашаем читателей продолжить разговор.

© 2002 г.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ ГЛАЗАМИ РОССИЯН

Россия перешла рубеж десятилетнего периода реформ. На всем этом отрезке времени они быстротечно меняли характер общественной среды, привычные устои бытия, духовно-психологическую атмосферу общества, жизненные стратегии людей. Что же думают об итогах десятилетия реформ российские граждане? В чем они видят их плюсы и минусы? Как эти итоги "примеряют" на себя? С целью получения ответов на эти и подобные им вопросы, характеризующие общественное состояние пореформенной России, в ноябре 2001 г. Институт комплексных социальных исследований РАН провел общероссийское социологическое исследование "Новая Россия: десять лет реформ" и сравнил их с результатами предыдущих исследований¹.

Как показал опрос, респонденты достаточно определенно делят прошедшее десятилетие на два периода, которые оцениваются ими диаметрально противоположно: "ельцинский" и "постельцинский". В перечне самых значимых событий последнего десятилетия наиболее положительно оценивается уход Б. Ельцина с поста президента России и избрание президентом страны В. Путина (см. табл. 1). *События десятилетия, как можно заметить, не вызывают однозначно негативной реакции общества (за исключением августовского кризиса и ваучерной приватизации), а воспринимаются, скорее, как время упущенных возможностей и демонстрируют массовое понимание того, что реформы в стране были нужны, но проводиться могли бы более конструктивно и с меньшими потерями.*

В бедах и неурядицах страны респонденты склонны винить прежде всего Б. Ельцина и М. Горбачева. Причем, по сравнению с 1994 г. доля россиян, считающих "виновным" М. Горбачева, осталась примерно на том же уровне (в 1994 г. так думали 29%, в 2001 г. - 32%), тогда как число "обвинителей" Б. Ельцина возросло почти в два раза

В основе статьи - результаты исследования, выполненного рабочей группой Института комплексных социальных исследований РАН (до весны 2001 г. - Российский независимый институт социальных и национальных проблем) в составе: М.К. Горшков (руководитель), А.Л. Андреев, Л.Г. Вызов, Н.М. Давыдова, А.Г. Здравомыслов, Г.А. Ключарей, М.П. Мчедлов, Е.И. Пахомова, В.В. Петухов, Н.Н. Седова, Н.Е. Тихонова (зам. руководителя), А.Ю. Чепуренко, Ф.Э. Шереги (зам. руководителя). Работа проведена в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Фридриха Эберта в РФ (руководитель - доктор П. Шульце).

**Оценка россиянами событий, произошедших в жизни страны
в период 1991-2001 гг. (в % от числа опрошенных)**

События	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Безразлично
Либерализация цен и переход к рыночной экономике 1991-1992 гг.	37,8	54,4	7,9
Проведение ваучерной приватизации в 1992-1993 гг.	6,8	84,6	8,5
Разгон Верховного Совета России в 1993 г.	26,0	38,3	35,6
Принятие в декабре 1993 г. новой Конституции России	45,6	20,2	34,3
Действия военных, связанные с наведением конституционного порядка в Чечне в 1994-1996 гг.	33,4	59,7	6,9
Избрание Б. Ельцина в 1996 г. президентом России	25,4	62,5	12,2
Финансовый кризис (дефолт) в августе 1998 г.	2,9	89,4	7,7
Проведение антитеррористической операции в Чечне в 1999-2001 гг.	55,9	39,3	4,8
Досрочный уход Б. Ельцина в отставку	86,3	5,3	8,4
Избрание В. Путина президентом России	73,0	11,4	15,6
Принятие нового российского гимна	45,1	16,9	38,0
Административные реформы В. Путина (реформа Совета Федерации, образование федеральных округов)	37,5	18,3	44,2

(соответственно - 18 и 34%). КПСС "виновна" по мнению 22% респондентов в 1994 г., а в 2001 г. такой оценки придерживались 13%; коммунисты (нынешняя КПРФ) - соответственно 12 и 5%; мафия - 20 и 26; номенклатура - 26 и 16; самих себя - 24 и 30. Характерно, что число респондентов, указывавших на международные финансовые круги, демократов, международный заговор против России, США (американский империализм), евреев, спекулянтов, националистов, было различным в каждом случае, но никогда не превышало 9%.

Один из ключевых вопросов - как оценивают россияне свое прежнее и нынешнее отношение к реформам начала 90-х годов. Так, почти половина опрошенных заявила о том, что десять лет назад они в той или иной степени поддерживали начавшиеся тогда экономические и политические реформы, тогда как 34% либо сомневались, либо были категорически против них. Отвечая же на вопрос о своем нынешнем отношении к реформам, наши сограждане оказались более сдержанными и критичными. В результате негативные оценки десятилетнего периода реформ являются сегодня преобладающими. Так оценивают их 60% респондентов. Изменили свою точку зрения прежде всего те, кто заявлял о том, что еще на начальном этапе реформ занимал колеблющуюся позицию. Вместе с тем, и среди бывших твердых сторонников реформ оказалась достаточно много тех, кто изменил свое отношение к реформам со знака плюс на знак минус — более 40% опрошенных. На оценки россиян в данном вопросе оказывают большое влияние их идеологические предпочтения, возраст, тип поселения.

Среди самых больших потерь, которые понесло общество за годы реформ, 54% опрошенных выделяют снижение уровня жизни населения. На втором месте падение морали - 35%; далее - снижение авторитета России в мире (30%). Среди личных потерь с заметным отрывом "лидируют" снижение жизненного уровня и утрата чувства защищенности, уверенности в завтрашнем дне. Что же касается достижений, то первым по значимости достижением реформ для страны в целом 54% респондентов считают насыщение рынка товарами. Далее называются приобретения, связанные со свободой слова и мысли (28%), прекращение гонений на церковь (22%), свобода выезда за рубеж (22%), и только затем - возможность зарабатывать без ограничений (20%). Существенно иная иерархия плюсов реформ выстраивается при оценке их результатов

для себя лично. В этом случае возможность зарабатывать без ограничений 37% опрошенных рассматривают как самое большое достижение реформ, почти такое же количество отмечают товарное изобилие, возможности для самовыражения и личной карьеры (22%). Значительная доля респондентов - 17% не смогла найти для себя лично никаких позитивных сдвигов за последние десять лет.

В отношении того, насколько значимы те или иные потери для общества в целом, различные группы населения демонстрируют высокий уровень согласия. И наиболее благополучные, и средние, и бедные слои населения примерно в равной степени негативно оценивают снижение уровня жизни населения, развал передовых отраслей промышленности, падение морали, снижение авторитета России в мире, утрату стабильности, безопасности и отсутствие должного порядка в стране. То же самое можно сказать и о позициях, занимаемых разными возрастными группами. Можно предположить, что в российском обществе есть возможности формирования широкого общественного консенсуса и в перспективе преодоления тех проблем, с которыми сталкивалась Россия в течение последних десяти лет.

Причем, подобное единодушие не случайно. Как показывают исследования, между материальным благосостоянием россиян и их оценками собственной жизни в целом нет жесткой зависимости (см. табл. 2). Как видно из таблицы, хотя динамика такого общего показателя как "жизнь в целом складывается" и совпадает по направленности изменений с оценкой материальной обеспеченности, их численные значения сильно различаются между собой. В частности, как "плохие" к концу 2001 г. оценивали материальные условия своей жизни 44% опрошенных, тогда как считали, что их жизнь в целом складывается "плохо", всего 16%. То же самое в полной мере относится ко всему периоду реформ. Отмеченная тенденция связана с наличием определенных компенсаторных факторов, когда отсутствие либо недостаточность какого-либо важного материального компонента жизни заменяется другими компонентами, связанными с непосредственным окружением человека (семья, интересная работа, друзья и т.д.). Анализ динамики отдельных сторон жизни россиян так же, как и интегральный показатель "жизнь в целом складывается", свидетельствуют об улучшении положения населения за последний год. Наиболее заметно сократилась доля населения, испытывающая сильное недовольство качеством своего питания, возможностью приобретения необходимой одежды и возможностью самореализации в профессии.

Основную часть десятилетнего периода реформ российское общество жило в условиях постоянного *социально-психологического дискомфорта*, с ощущением безвременья и даже приближающейся катастрофы. Вся история России XX в. убедила в возможности самого невероятного развития событий. В сознании людей широко присутствуют страхи, связанные, например, с возможностью гражданской войны. Так, по сравнению с 1994 г. (когда российское общество только отходило от мини-гражданской войны в центре Москвы в октябре 1993 г.), число тех, кто опасается гражданской войны, выросло с 45% до 54 в настоящее время. Видимо, и в условиях относительно стабильной жизни глобальные страхи сохраняются в массовом сознании как некое предчувствие, как гипотетическая возможность очередного срыва России с позитивной траектории развития. Вряд ли стоит переоценивать эти предчувствия (так, например, в 1992 и 1993 гг. гражданской войны опасались, соответственно, 62 и 52% респондентов, а затем этот страх пошел на убыль). В то же время, нельзя их и недооценивать, так как они являются достаточно точным индикатором состояния массового сознания. Так, в первые годы реформ практически исчез страх перед голодом (с 26% в 1992 г. до 7 в 1994 г.), зато вырос страх перед нищетой - с 28 до 43%. Эти данные свидетельствуют о наличии определенной динамики в освоении ими новых реальностей меняющегося общества, разделении ими различных угроз на действительные и мнимые по мере приобретения опыта жизни в новых условиях. И в этом плане актуализация у населения страха перед гражданской войной связана в значительной степени с событиями в Чечне.

Динамика оценки россиянами различных аспектов повседневной жизни
(в % от числа опрошенных)

Стороны жизни	1994	1995	1996	1997	1998	2000	2001
Материально обеспечены							
1.	10,9	7,9	5,7	5,5	4,1	4,9	7,9
2.	53,8	47,1	43,4	39,4	42,0	47,5	49,2
3.	35,3	45,1	50,4	55,7	53,9	47,6	43,9
Жилищные условия							
1.	24,5	23,9	28,3	22,7	28,2	28,0	27,7
2.	49,0	50,9	50,9	50,3	53,2	49,4	52,2
3.	26,5	25,2	20,2	27,0	18,6	22,6	20,1
Отношения в семье							
1.	47,8	49,1	52,2	50,8	49,7	49,7	54,4
2.	40,9	40,6	39,5	40,0	41,6	41,6	39,4
3.	11,3	10,3	8,3	8,4	8,7	8,7	6,2
Возможности в профессии							
1.	20,1	20,6	16,3	15,8	18,3	20,0	21,1
2.	46,8	43,8	36,9	42,7	44,1	37,3	43,8
3.	33,1		38,0	41,5	37,6	42,7	29,1
Жизнь в целом							
1.	13,5	11,0	12,2	11,7	12,0	14,4	20,3
2.	60,0		62,0	63,3	61,6	62,5	64,2
3.	19,6	27,1	25,6	24,0	26,4	23,1	15,5

Примечание: в первом столбце цифра 1. означает оценку "хорошо", 2. - "удовлетворительно", 3. - "плохо".

Среди основных страхов россиян осенью 2001 г. фигурировали также страх перед ростом преступности (обогнавший уровень страха перед гражданской войной) - его испытывают 57% опрошенных; страх падения личного уровня жизни - 47 и страх перед мафией - 33. Как видим, за исключением падения собственного уровня жизни, все это "макрострахи", имеющие в основе своей единый корень - чувство беспомощности перед беспределом и беззаконием во всех их модификациях. Причем набор основных страхов россиян достаточно стабилен - и в 1994 г., и семь лет спустя пятерка лидеров опасений наших сограждан остается одной и той же. Более того, практически по всем ним показатели возросли. Это свидетельствует о том, что относительная стабилизация и даже некоторое улучшение социально-экономической обстановки в России отнюдь не влекут за собой автоматически роста чувства защищенности и безопасности у наших граждан.

Значимость чувства незащищенности и беспомощности для состояния общественного сознания в период реформ можно понять, лишь сравнив показатели вышеупомянутой "пятерки лидеров" с остальными страхами. "Лидеры" оставили позади такие вполне реальные для многих россиян угрозы, как необеспеченная старость - ее отмечают 31% опрошенных, ухудшение медицинского обслуживания - 30, невозможность для детей получить хорошее образование - 26, безработица - 21, невозможность решить свои жилищные проблемы - 15% и т.д.

Пик негативного психологического состояния российского общества пришелся на 1997-1998 гг., а с 2000 г. пошло медленное, но отчетливое его улучшение. Так, в 2001 г. впервые перестали испытывать постоянное чувство того, что дальше так жить нельзя, и чувство стыда за свою страну более половины респондентов, вдвое увеличилось по отношению к 1996-1998 гг. число ощущающих себя хозяевами своей

судьбы, в полтора раза сократилось число тех, кто часто испытывал чувство несправедливости происходящего. Наиболее заметный позитивный сдвиг в массовых настроениях произошел буквально за последний год. В частности, в два раза сократилась доля опрошенных, которая жила с преобладающими чувствами страха и отчаяния. Также в два раза снизилось число тех, кто пребывал в состоянии озлобленности и подавленности. В целом же доля респондентов, для которых были свойственны сугубо негативные психологические состояния, сократилась с осени 2000 г. по осень 2001 г. с 43% до 22.

В то же время неверно было бы считать, что в социально-психологическом состоянии россиян все уже благополучно. К ставшему уже привычным за последние годы чувству социальной незащищенности осенью 2001 г. добавились переживания и опасения, связанные с внешнеполитической ситуацией. Так, более 70% респондентов к концу 2001 г. испытывали тревогу в связи с угрозой международного терроризма и даже новой мировой войны. Во внутренней политике примерно 52% респондентов опасались нового финансового обвала, повышения цен на жилищно-коммунальные услуги, затягивания военных действий в Чечне. Таким образом, возможность возникновения новых кризисных ситуаций представляется преобладающей части населения вполне вероятной.

В этой связи стоит отметить, что социально-психологическое состояние россиян в гораздо большей степени предопределяет то, что называется их "политическим выбором", нежели их идеологическими предпочтениями. Во многом положительные перемены в психологии общества стали персонифицироваться в образе нынешнего президента страны В. Путина. Так, в 1997-1998 гг. более 75% респондентов полагали, что "путь, по которому идет Россия - тупиковый, ведущий к деградации". Начиная с 1999 г. настроения тотального катастрофизма начинают меняться на более спокойные и умеренные оценки перспектив развития России. *Осенью 2001 г. уже 59% полагают, что путь, по которому идет Россия, даст в перспективе положительный результат.*

Результаты экономических изменений после завершения первой стадии приватизации (1995 г.) выразились заметно в образовании группы людей, обогатившихся в ходе реформ. Отношение населения к ним практически не изменилось: разве что несколько меньше стало россиян, относящихся к новым богатым с интересом, и чуть больше - относящихся к ним с симпатией, а также тех, кто относится к ним безразлично. Вопреки широко распространенным стереотипным представлениям, среди россиян довольно мало тех, чье отношение к богатым окрашено завистью или презрением. Таких всего было и осталось 12% респондентов. С другой стороны, стабильной остается доля тех, кто выражает подозрительно неприязненное отношение к ним - примерно $\frac{1}{5}$ часть. Вероятно, у наших соотечественников вызывает негативные чувства не сам факт наличия этой группы, а те формы и методы, которые зачастую используются для обогащения. Важным фактором раскола общественного мнения является уровень дохода. Так, в низкодоходных группах (до 1000 и от 1001 до 2000 руб. на члена семьи в месяц) также чаще преобладает негативное отношение к "новым богатым", а в более состоятельных семьях (от 3000 руб. в месяц на члена семьи) - спокойно-уважительное.

Облик российских предпринимателей стал, начиная с 1992 г., гораздо менее однозначным: нет ни одной черты, которую отметили бы более половины опрошенных. Тем не менее характерной приметой их облика в глазах более 40% респондентов продолжают оставаться энергичность, инициативность и находчивость. При этом следующими чертами их портрета, выделенными более 30%, являются безразличие к государственным интересам, безжалостное, потребительское отношение к людям. Вместе с тем примерно на 20% сократилось число тех, кто разделяет представления о стремлении к легкой наживе как доминирующем качестве российских предпринимателей. Очевидно, прошедшие годы убедили-таки большинство общества в том, что быть предпринимателем - дело отнюдь не легкое. За годы реформ в целом более чем

в 2 раза сократилась доля респондентов (с 13 до 6%), занимающихся предпринимательством; в 4 раза сократилась доля тех, кто видит для себя такую перспективу. Указанные тенденции свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что по мере заполнения рыночных ниш сужается "окно возможностей" - начать бизнес в России становится все труднее. Нужно заметить, что доля лиц, имеющих ярко выраженные предпринимательские способности, не превышает в населении развитых стран 4-6%. Таким образом, на сегодня в России занимается предпринимательством примерно такая часть населения, которая и может им заниматься.

Мнение россиян о том, какой тип государства по отношению к экономике в наибольшей степени отвечает интересам страны, практически не изменилось с 1994 г. Наиболее распространенными оказались следующие позиции: по мнению почти 40% респондентов нужно "государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан"; более 20% считает, что "тип государства не имеет значения; стране нужен лидер, который возьмет на себя всю ответственность за происходящее в России и будет проводить решительную экономическую политику". В рамках этих моделей имеет место широкое различие взглядов - от "рыночного социализма" до либерал-консерватизма, а решающий водораздел проходит по вопросу о том, будет ли государство (или авторитарный лидер) своей главной задачей считать установление и принуждение всех экономических агентов к выполнению неких общих правил игры, или станет одновременно и арбитром, и самым сильным игроком на экономическом поле. Около 18% выступают за восстановление государственной централизованной экономики и контроля над ценами, с 13 до 8% снизилось число тех, кто предпочитает "государство, которое свое вмешательство в экономику сведет к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе".

Отчасти реконструировать экономические взгляды россиян помогают обсуждаемые в стране вопросы о путях реформирования энергетики, пенсионной системы и жилищно-коммунального хозяйства. Приходится признать, что никакие аргументы в пользу приватизации энергетической отрасли не только не поколебали, но, возможно, только усилили убежденность подавляющего большинства россиян в необходимости сохранения энергетики в государственной собственности. В этом были убеждены 82% респондентов в 1998 и 89% в 2001. Что касается реформы ЖКХ, то здесь результаты агитации в пользу демонополизации и постепенного перехода к допуску в жилищное хозяйство частных компаний привели даже к обратному результату: число сторонников сохранения государственной монополии за последние 3 года возросло на треть и составляет на сегодня большинство - 63% респондентов, тогда как число сторонников сосуществования на этом рынке государства и частных компаний сократилось с почти половины до четверти опрошенных. 80% в 2001 г. высказались за сохранение государственного управления пенсионными фондами.

На первый взгляд, явно противоречие в экономических представлениях россиян, когда, с одной стороны, они толерантно относятся к социальному неравенству, признают в большинстве своем необходимость предпринимательской активности и в то же время выступают за явное доминирование государственной формы собственности - при очевидных слабостях и провалах государства в экономической и социальной сферах. По-видимому, здесь имеет место некая раздвоенность массового сознания: да, нынешнее государство - "плохое" и "слабое", но мы-то апеллируем к другому государству, ибо не теряем надежды на то, что оно станет "хорошим" и "сильным" и сможет своим решающим присутствием обеспечить положительную динамику и результаты экономического развития.

Как же сказались десятилетие реформ на реальном расслоении современного российского общества, что представляет собой его социальная структура, как ощущают россияне свой сегодняшний социальный статус? Сразу подчеркнем - собственным статусом довольны только 16% населения. Чуть больше - 17% - оценивают его однозначно отрицательно, и почти две трети всех россиян - как "удовлетворительный".

Какое же место на социальной лестнице должен занимать человек, чтобы быть довольным собственным статусом? Как показывают данные нашего исследования, он должен находиться в верхней половине социальной лестницы, состоящей как бы из десяти ступенек.

Методический прием, когда опрашиваемые должны были указать свое положение на социальной лестнице, уже неоднократно использовался в социологии, в том числе и в наших исследованиях. Если, воспользовавшись полученными данными, попытаться построить модель социальной структуры сегодняшней России, где расположить всех опрошенных на избранных ими ступеньках, то получится следующая картина (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение респондентов на социальной лестнице
(в % от числа опрошенных)

Социальные ступени	1992 ²	2001 ³
1. (высшая)	0,4	0,6
2.	0,5	0,7
3.	1,9	3,2
4.	5,9	5,1
5.	25,3	18,2
6.	17,6	13,2
7.	17,3	14,6
8.	13,1	20,8
9.	9,2	12,0
10. (низшая)	8,8	11,1

Как видно, на одних ступенях лестницы в 2001 г. (5 и 8) "толпится" довольно много людей, на других (1 и 2) - очень мало, на остальных картина вполне усредненная. На двух нижних "ступеньках" социальной лестницы в 2001 г. находилось гораздо больше россиян, чем в момент начала реформ. Однако изменения социальной структуры российского общества за последние 10 лет этим не ограничились. Произошел как бы массовый спуск всего общества по социальной лестнице вниз, а средний класс 1992 г. разделился на две части - одна, меньшая, стала как бы собственно средним классом современного российского общества, вторая, большая, оказалась ниже собственно среднего класса.

В числе факторов, оказавших влияние на направленность процесса социальной мобильности, был прежде всего *возраст*. 60% тех, кто сумел заметно подняться по социальной лестнице вверх, составляла молодежь до 30 лет включительно. Второй важнейшей характеристикой, повлиявшей на движение по социальной лестнице, было приобретение ими *навыков работы на компьютере*. Во всяком случае, среди тех, кто сумел к 2001 г. овладеть этими навыками, нисходящая социальная мобильность характеризовала всего треть группы, восходящая - каждого четвертого, а остальные сумели сохранить свои позиции в обществе. А вот среди тех, кто так и не научился за последние годы работать на компьютере, более 60% были вынуждены спуститься вниз по социальной лестнице. Третий важнейший фактор - *готовность к постоянному обучению и саморазвитию*. Среди тех, кто хоть как-то пополнил в 1998-2001 гг. свои знания, снижение социального статуса затронуло 38%. Зато среди тех, кто, несмотря на идущую в стране структурную перестройку и модернизацию экономики, вообще никак этого не делал, этот показатель составил 67%. Четвертым важнейшим фактором была *работа в том или ином секторе экономики*. Так, среди наиболее массовой группы (44% всех опрошенных) тех, кто работал на государственном или привати-

зированной предприятии, чуть менее половины спустились по социальной лестнице вниз, каждый восьмой улучшил свое положение и 39% остались на прежних позициях. В наибольшей степени улучшение их положения характерно было для тех, кто работал на вновь возникших предприятиях - частных, кооперативных или занимался различной индивидуальной трудовой деятельностью - каждый пятый в этой группе по сравнению с дореформенным временем повысил свой социальный статус и еще около 40% сохранили его. Хуже всего обстояло дело с теми, кто вообще не работал (пенсионеры, безработные, домохозяйки и т.п.) - почти у двух третей этой группы статус понизился, а у подавляющего большинства остальных остался неизменным.

Что касается должностного статуса, то если отвлечься от предпринимателей, самая большая доля тех, кому удалось сохранить или повысить свой статус, оказалась у самозанятых (79% респондентов). Следом за ними шли руководители (63%), потом специалисты с высшим образованием (55%) и служащие из числа обслуживающего и технического персонала (53%), а затем уже как квалифицированные, так и неквалифицированные рабочие.

Если попытаться объединить все ступени социальной лестницы в определенные отрезки, или, скажем, "пролеты", которые соответствуют тому или иному классу в структуре современного российского общества, то получится следующая картина по самооценкам россиян: класс выше среднего (1-4 ступени) - 9,6%; средний класс (5-6 ступени) - 31,4%; класс ниже среднего (7-8 ступени) - 35,4%; низший класс (9-10 ступени) - 23,6%.

Таким образом, высший средний и средний классы общества составляют сегодня в совокупности 41% всех россиян, правда, по их самоощущению. Для пореформенной России это очень высокий показатель. Причем, за все последние годы это самая большая численность среднего класса, выделенного по критерию самоидентификации. Чтобы проиллюстрировать, что происходило с этой частью населения в ходе реформ, приведем лишь несколько цифр. На период начала реформ общая численность верхнего среднего и среднего классов составляла 52%. И хотя стандарты их жизни отличались от западноевропейских, но все же большая часть общества оценивала свой социальный статус как вполне благополучный. Летом 1998 г., за два месяца до кризиса, их общая численность по самооценкам составляла всего 27%, а летом 1999 г. - весной 2000 г. - 23. И, наконец, еще полтора года спустя, осенью 2001 г., происходит резкий скачок и с двумя верхними классами себя идентифицируют более 40% респондентов. Это настолько быстрый рост, причем именно в той краевой сфере, которая как никакая другая обеспечивает социальную стабильность в обществе, что закономерен вопрос - а насколько справедливо включать в состав этих классов всех тех, кто поставил себя на соответствующие ступеньки социальной лестницы в 2001 г.?

Класс выше среднего (верхний средний класс) сосредоточен в основном в мегаполисах и областных центрах, только 7 часть в нем старше пятидесяти лет, больше половины имеют высшее образование (включая незаконченное высшее) или ученую степень. Здесь заметно выше, чем в других классах, доля бизнесменов, имеющих собственные фирмы с наемными работниками (почти половина всех предпринимателей оказалась в составе именно этого класса), руководителей предприятий, а также самозанятых (т.е. имеющих частную практику, семейный бизнес, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью и т.п.). Выше, чем в среднем по массиву опрошенных, и доля в его составе квалифицированных специалистов и студентов. Представители этого класса в своем подавляющем большинстве постоянно повышают уровень своих знаний и квалификации, осваивают новые навыки - только каждый седьмой в этой группе за последние три года не делал этого ни в какой форме, две трети представителей верхнего среднего класса умеют работать на компьютере, в том числе каждый пятый - на профессиональном уровне.

Средний класс (или как еще говорят, собственно средний класс) также довольно молод и образован - образовательный уровень не ниже незаконченного высшего образования имеют в нем более 40%. В более низких слоях населения число лиц с таким

образовательным уровнем составляет уже, соответственно, около трети в классе ниже среднего и четверти в низшем классе. 40% моложе 30 лет (показатель в двух нижних классах соответственно 21% и 9%). Старше 50 лет в среднем классе только немногим более 20% его представителей (в двух нижних - 35% и 54%). В профессиональном отношении костяк (около половины) составляют прежде всего специалисты и квалифицированные рабочие. Заметное место в составе среднего класса занимают также руководители и предприниматели, включая представителей семейного бизнеса и индивидуальной трудовой деятельности, они все же не доминируют в среднем классе. Кроме того, около 12% его - "белые воротнички", и примерно каждый десятый его представитель пенсионер. На соответствующие этому классу ступеньки социальной лестницы поставила себя и почти половина всех участвовавших в опросе студентов. Представители этого класса также заняты постоянным повышением уровня своих знаний и приобретением новых навыков - лишь менее трети из них не делали этого в последние три года. Компьютером владеет в этом классе практически половина его представителей, причем не менее чем у трети работа связана с компьютером.

Класс ниже среднего (его еще называют базовым классом) более пожилой и менее образован, чем два верхних класса. Он состоит в основном из рабочих (сельскохозяйственные рабочие составляют наиболее массовую группу этого класса, насчитывающую около четверти всех его представителей) и пенсионеров - около пятой части. Еще около четверти его составляют специалисты и служащие из числа обслуживающую и технического персонала.

Что же касается *нижнего класса*, то он объединяет прежде всего городских и сельских пенсионеров (свыше половины его состава), рабочих (в том числе сельских) - около трети, а также наиболее неблагоприятную часть специалистов - бюджетников и служащих (около седьмой части).

К общей характеристике можно отнести то, что почти 45% всех работающих представителей класса выше среднего работали на частных предприятиях, а работники государственных или приватизированных предприятий были в основном их руководителями. В собственно среднем классе работало на частных предприятиях уже немногим более четверти всех работающих его членов. Что же касается класса ниже среднего и низшего класса, то в них доля работавших на частных предприятиях была в 2-3 раза меньше, чем в среднем классе. В двух высших классах достаточно редко фиксировалась серьезная озабоченность уровнем своего материального благосостояния. В то же время для двух нижних классов плохое материальное положение входило в число основных причин недовольства жизнью у 50-70% их представителей. И хотя заявленные в ходе опроса цифры душевого дохода у представителей двух верхних классов достаточно скромные (и, наверняка, ниже реального уровня доходов большинства из них), но все же три четверти верхнего среднего и две трети собственно среднего класса имели среднемесячный душевой доход в семье выше медианного⁵ дохода в своем регионе (в то время как половина класса ниже среднего и две трети низшего класса - ниже медианы).

Решающую роль в принадлежности к двум высшим классам российского общества играют такие особенности экономического поведения людей, как вовлеченность в занятия предпринимательской деятельностью, выполнение руководяще-управленческих функций (наличие "властного ресурса") и включенность в рыночный сектор российской экономики хотя бы в роли наемного работника, возможность которой различалась в зависимости от ситуации, складывающейся в каждом конкретном регионе. Данные позволяют говорить о том, что в результате реформ в России начала складываться социальная структура, характерная для современных западных обществ.

Два верхних класса *представляют собой наиболее социально активную, квалифицированную и во всех отношениях "продвинутую" часть общества. К ним вполне применимо понятие, среднего класса в том смысле, как его обычно используют в западноевропейских странах, а, следовательно они могут служить сегодня опорой рыночных реформ. И хотя то, как эти реформы проводились ранее, их не слишком*

устраивало, но нынешний курс руководства страны они в целом поддерживают. Причем поддерживают не только на словах, но и практически. Вместе с тем средний класс по-прежнему неустойчив, представляет собой своеобразный "перекресток" мобильностей.

Что касается класса ниже среднего - на сегодня наиболее массового, то о нем можно сказать только одно - не его стандарты жизни воспринимаются обществом как образец для подражания, а стандарты жизни верхнего среднего и собственно среднего классов. Следует подчеркнуть и своеобразие низшего класса. Он является принципиально новым явлением по отношению к советскому периоду истории. В целом, низший класс - это не просто люди с низкими доходами. Это реально сформировавшийся слой социальных аутсайдеров, характеризующихся слабыми социальными позициями. Как показывают наши многолетние исследования, вырваться из этого класса, раз туда попав, - очень непростая задача, оказывающаяся недоступной большинству его членов. Причем, учитывая социально-профессиональную и возрастную характеристики низшего класса, можно утверждать, что в его составе сегодня находится примерно каждый десятый россиянин трудоспособного возраста. И это, пожалуй, одно из наиболее тяжелых социальных последствий реформ.

В вопросах о демократии, вопреки расхожему мнению о тотальном разочаровании в ней и особенно в ее "российском" варианте, отношение населения к этой проблеме, как показывает наше исследование, более сложное и неоднозначное. Прежде всего заметим: каждый второй опрошенный в 1995, 1997, 2001 гг. продолжает считать, что без демократических институтов и процедур нормальная жизнь в стране невозможна. Хотя колеблющихся (от 30 до 37%) и сомневающихся (соответственно по годам 14, 18, 12%) в этом также достаточно много. Говоря о позитивном в целом восприятии демократии, россияне, судя по всему, имеют в первую очередь в виду те ее элементы, которых не было раньше и которые действительно получили развитие в постсоветской России. Так, среди приобретенных российских реформ последних 10 лет наряду с возможностью зарабатывать без ограничений и насыщением рынка товарами 28% респондентов отметили значимость для общества обретения свободы слова и мысли, свободу передвижения и выезда за рубеж - 22%, свободные выборы и многопартийность - 19%.

Вместе с тем до сих пор в состоянии массового сознания сохраняется возникшая еще в середине 90-х годов линия разрыва между установками на необходимость демократии, с одной стороны, а с другой - невозможностью обнаружить ее в полном объеме в реальной действительности, прежде всего в силу ее "приватизации" экономической и политической элитой. Так, 67% респондентов продолжают считать, что демократические процедуры - это пустая видимость, а страной управляют те, у кого больше богатства и власти. Было бы, однако, неправильно считать, что "элитизация" политики - это главное, что беспокоит россиян. Более того, в случае если власть в той или иной степени их устраивает (как это имеет место сейчас), они готовы без особой рефлексии делегировать свои права и полномочия "наверх". Критический же настрой по отношению к российскому варианту демократии связан, прежде всего, с тем, что он не обеспечивает рост жизненного уровня населения и реализацию социально-экономических прав граждан.

Тот факт, что в представлениях россиян о демократии значительное место занимает социально-экономическая компонента, трактуется некоторыми аналитиками как проявление патерналистских установок и ожиданий. Представляется, что это далеко не так. Хорошо известно, что стабильная демократия не может существовать без такого уровня экономического развития страны, который обеспечивал бы приемлемый для большинства граждан уровень благосостояния. В условиях, когда 46% респондентов заявляют о снижении уровня жизни и 45% - об утрате чувства защищенности и уверенности в завтрашнем дне, акцентирование внимания россиян на социально-экономическом аспекте демократии выглядит не только понятным, но и вполне оправданным. Что же касается патернализма, то наши граждане давно научились выживать, не надеясь на государственный патронаж, и не предъявляют государству завышенных

требований. Больше половины согласны с той точкой зрения, что государство должно обеспечивать гражданам лишь определенный минимум, а кто хочет получать больше, тот должен добиваться этого сам.

Также трудно согласиться с той точкой зрения, что скептическое отношение к демократическим ценностям и институтам обусловлено низким уровнем политической культуры россиян, который не позволяет им понять суть демократии. Исследование показывает, что у россиян существует вполне адекватное видение нормативной модели демократии и ее основных черт. Специфика же российского понимания заключается в том, что в России демократия ассоциируется, во-первых, с порядком, и, во-вторых, с уровнем экономического развития страны. Но самое главное отличие в том, что, несмотря на все разговоры о кризисе демократии на Западе, там подавляющее большинство населения не подвергает сомнению ни сам факт ее существования, ни ее необходимость. *В России же существование демократии до сих пор для многих не является очевидным, в том числе и потому, что идеальный образ демократии, сформированный на начальном этапе реформ, разошелся с реальной практикой социальных преобразований и социальными ожиданиями народа.*

Одной из важных характеристик укоренения демократических ценностей и институтов в обществе являются наличие возможности для политического участия граждан и их личное стремление к такого рода участию. Реальный уровень востребованности различных каналов политического участия (система местного самоуправления, социального партнерства, профсоюзы, локальные общности и т.д.) хотя и имеет по ряду позиций тенденцию к росту, тем не менее в целом не высок. Как показывают исследования последних лет, уровень непосредственной включенности населения в реальный политический процесс не превышает 1-2%. Эта доля бывает несколько выше в период предвыборных кампаний (3-4%), массовых акций протеста (7-12%).

Сегодня среди идей, которые, по мнению наших сограждан, могли бы сплотить общество, явно выделяются такие, как "укрепление России в качестве великой державы" (ее поддерживают 48% респондентов) и "укрепление России как правового государства" (47%). Эти идеи были привлекательны для общественного мнения и в середине 90-х годов, но тогда они носили скорее бессубъектный характер. Сегодня у этих идей есть конкретный носитель и выразитель - президент В. Путин. *Можно говорить о своего рода "неоконсервативной волне", ставшей социокультурной основой для нынешней политической власти. Эта волна несет в себе синтез черт, характерных как для традиционного в России понимания соотношения общества и власти, так и новых общественных отношений, сформировавшихся за последние десять лет.*

Народная любовь к Б.Ельцину - лидеру рубежа 80-х и 90-х годов сменилась к середине 90-х годов не только массовым разочарованием, но и отчуждением населения от власти как таковой, особенно после дефолта 1998 г. За последние годы медленно, но последовательно возникла новая система массовых ориентаций, предполагающая наличие доминирующего в политической системе "центра" - как в смысле ценностей "центризма", так и в прямом смысле "центра власти". *Сегодня, когда общество "переболело смутой", власть в России, действующая в рамках общенациональной парадигмы, имеет все основания опереться на те социальные слои, которые были для нее недоступны в последние годы.* Нынешний режим поддерживают российская провинция, представляющая малые города, поселки и села, где ранее были сильны протестные настроения. Сейчас же положительно оценивают деятельность В.Путина практически одинаково (около 70% респондентов) жители мегаполисов, крупных индустриальных центров, малых городов и районных центров, а также сел. Вместе с тем завершение переходного периода характеризуется вообще снижением уровня ожиданий от власти, от которой больше не ждут экономических и политических чудес. Общество "повзрослело" и от власти требует в первую очередь поддержания общей стабильности и устойчивых "правил игры".

Рост доверия общества к президенту имеет и свою обратную сторону - вся поли-

тическая система становится сфокусированной на личности В.Путина. Вследствие этого растет влияние федерального центра и представляющих его политических и экономических группировок, в то время как большинство государственных и общественных институтов - парламент, профсоюзы, а также сформировавшаяся в предшествующий период партийно-политическая система - продолжает находиться в кризисе. Это проявляется, в частности, в том, что 64% респондентов не высказали симпатий ни к одной из действующих политических партий, а уровень доверия к партиям как общественному институту находится на рекордно низком уровне: им доверяют только 10% опрошенных.

В массовом сознании сегодня нет противопоставления "порядка" "свободе", так как именно реальные жизненные свободы и права граждан никак не защищены в условиях слабого государства и верхушечной демократии. Не случайно наряду с такими задачами, как завершение войны в Чечне и преодоление бедности и нищеты, которые нужно решать в первоочередном порядке, россияне также называют: *преодоление коррупции в органах власти - 42%; наведение порядка во власти - 30; ограничение влияния на жизнь страны олигархов - 23.* При этом масштабность задач требует, по мнению россиян, объединения усилий всех участников политической жизни, включая оппозиционные. Не случайно, соглашаясь с тем, что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции (70% опрошенных в той или иной степени разделяют эту точку зрения), 74% респондентов в том же соотношении соглашаются с тезисом: "главная задача оппозиции - помогать правительству". Примерно такое же отношение, как и к политической оппозиции, россияне демонстрируют к средствам массовой информации. Большинство респондентов не разделяет точку зрения о "тотальной" свободе СМИ. И в 1995 г., и в 2001 г. большинство - около 60% респондентов - считало необходимым наличие моральных и нравственных ограничителей в деятельности СМИ. Налицо запрос на сильную, доминирующую в политическом пространстве власть как субъект общенациональных стратегических интересов, которые оказались в последнее десятилетие "расташенными" между отдельными экономическими и политическими группировками. В то же время представляется маловероятным установление жесткого авторитаризма под идеологическим прикрытием социального или национального реванша. Создаются предпосылки внутрисистемной эволюции политического режима, формирования общенациональной субъектности, а самое главное - снижения градуса противостояния общества и власти, а в перспективе - формирования их естественного диалога и взаимодействия.

Важной проблемой пореформенных изменений, безусловно, является соотношение российской и этнонациональной лояльности. Как известно, на протяжении всего пока еще недолгого периода существования Российской Федерации как независимого государства предпринимались шаги по усилению общегражданского сознания. Это и настойчивое продвижение в политическую практику идентификационного термина "россияне", и блокирование попыток к умножению признаваемых государством этнических и этнокультурных групп (например, попыток конституировать в качестве особого "народа" казачество), и упразднение знаменитой 5-й графы в российском паспорте. Насколько успешными оказались эти усилия?

Крушение Советского Союза отозвалось в России сильнейшим кризисом идентичности, особенно болезненным для русских, чье самосознание было традиционно ориентировано не столько на этнические признаки, сколько на сопереживание принадлежности к крупнейшей в мире державе. В 1992 г. лишь несколько более трети населения страны твердо определяли себя как граждан России, в то время как более 15% отождествляли себя с уже не существующим государством - СССР, а большинство опрошиваемых (свыше 42%) признавалось в том, что они сами не поймут, кем теперь являются. Проводившиеся в последующие годы опросы фиксировали постепенную нормализацию ситуации и смысле постепенного сглаживания диссонанса между самосознанием и реальным положением вещей. На протяжении всего десятилетия доля

населения, идентифицирующая себя как граждане России, неуклонно возрастала (от 38% респондентов в 1992 г. до 65 в 2001 г.), в первую очередь за счет "неопределившихся", психологически восстанавливающих сознание государственной принадлежности и обретающих чувство эмоциональной связи с реально существующим российским государством.

На сегодня можно уже считать, что понятие "россияне" в целом получило общественное признание и перешло в разряд работающих политических понятий, причем не только на экспертном, но и на массовом уровне. К примеру, свыше 85% россиян указали, что они гордятся своей национальностью, причем чувство это оказалось значительно более сильным, чем гордость своей профессией и личными достижениями. В большинстве же стран Западной Европы индикаторы национальной гордости, как известно, иные. У россиян позитивно окрашенное чувство национальной принадлежности (в этнокультурном смысле) обычно сочетается с чувством гордости за Россию как таковую (так, в 2000 г. 80% наших сограждан указывали на то, что гордятся Россией и ее историей). Добавим к этому, что россияне различных национальностей во многом одинаково или почти одинаково воспринимают текущие события и оценивают причины происходящего. Таким образом, национальная (этническая) принадлежность в настоящее время не является существенным дифференцирующим признаком идейно-политических предпочтений (что, разумеется, не исключает использование "национального фактора" в разного рода политических интригах и в борьбе политических кланов). Консолидационные тенденции ныне явно возобладали над сепаратистскими начала 90-х годов. Это показала, в частности, динамика общественных настроений и мнений по весьма болезненному вопросу о Чечне.

Не случайно при ответе на вопрос о том, что в первую очередь надо сделать президенту России, прекращение военных действий в Чечне выдвигается на одно из первых мест (в 2000 г. на это указывали 64% опрошенных, в 2001 г. - 57%). Тем не менее речь сегодня идет не о мире "любой ценой", к чему российское общественное мнение очень близко подходило в 1995-1996 гг., а о восстановлении порядка и поиске разумных формул согласия в рамках безусловного сохранения территориальной целостности страны. Если в 1995 г. около четверти россиян считали, что чеченский народ борется за свою независимость и Россия должна предоставить ему полную свободу вплоть до выхода из состава страны, то к 2001 г. число разделяющих это мнение сократилось до 12%. В то же время доля считающих, что боевые действия надо довести до конца не идя ни на какие компромиссы, увеличилась более, чем в 2,5 раза и достигла ныне 33%. Показательно, что восстановление конституционного порядка в Чечне поддерживают не только русские, украинцы, белорусы, но и неславянская часть населения. Вместе с тем, среди представителей мусульманских этносов доля считающих, что президент РФ должен безотлагательно решить чеченскую проблему мирным путем, примерно на 15% выше средней по выборке.

Какова же на сегодняшний день общая тональность межнациональных отношений в Российской Федерации? Эта проблема изучалась в ходе исследования при помощи серии вопросов, затрагивающих как ее бытовые, так и общественно-политические аспекты. Так, в частности, опрашиваемым предлагалось определить свое отношение к лицам другой национальности в 5 прожективных ситуациях бытового характера: знакомство, выбор места жительства, вступление в брак и т.н. На основе полученных данных была построена шкала терпимости - нетерпимости, которая может рассматриваться в качестве модели, наглядно демонстрирующей характер распределения соответствующих этнических настроений в российском обществе. Всего в ней предусмотрено 6 градаций - от крайней нетерпимости (респонденты, указавшие, что национальность другого человека повлияла бы на их поведение во всех 5 ситуациях) до полной толерантности (когда национальность другого человека не отмечалась в качестве осложняющего фактора ни в одной из предложенных ситуаций). В итоге в целом по массиву опрошенных была получена следующая картина градаций: 0) (полная толерантность) - 47%; 1) - 13; 2) - 12; 3) - 10; 4) - 8; 5) (крайняя нетерпимость) - 10.

На распределение россиян по приведенной шкале практически не оказывают влияние ни уровень образования, ни возраст, ни тип поселения. Наибольшие же колебания наблюдаются при сравнении друг с другом различных регионов. Своего рода *"лидерами межнациональной благожелательности"* в настоящее время выступают Санкт-Петербург, Центрально-Черноземный район, Поволжье и Северо-Запад, а наиболее проблемными регионами - Центральный и Волго-Вятский районы, а также Северный Кавказ. В русскоязычных субъектах федерации на Северном Кавказе (Ростов-на-Дону и Ставропольский край) *уровень нетерпимости* превышает средний показатель по выборке примерно в 1,5 раза и является самым высоким по стране. Причины такого рода дифференциации, очевидно, связаны с особенностями генезиса межнациональной напряженности, которая коррелирует с направленностью наиболее сильных миграционных потоков, ведущих к перемешиванию национального состава населения. Следует, однако, заметить, что толерантная часть населения везде количественно преобладает над *"группой нетерпимости"*, причем не меньше, чем в 1,5 раза (наиболее неблагоприятный и конфликтный регион - Северный Кавказ), а по большинству регионов в 3-4 раза и более.

Преобладание установки на толерантность не означает, что развитие межнациональных отношений в Российской Федерации уже не создает серьезных проблем. В целом нарастание миграции нерусского населения в *"коренной"* России вызывает тревогу практически у трети респондентов. Стало быть, подобная обеспокоенность коснулась уже и некоторой части относительно толерантных граждан, менее других подверженных предрассудкам и ксенофобии. В России, как можно предположить, сохраняется почва для националистических настроений. Существует и сам национализм как политическое явление. Правда, формы его меняются. По своему содержанию и направленности он носит в целом *охранительный характер*. Его питательная среда - опасения по поводу вытеснения русских из привычного для них жизненного пространства. Такого рода примеры весьма наглядно продемонстрировали некоторые новые независимые государства. Однако многие граждане русской национальности не чувствуют себя спокойно и в России.

Вообще же большинство русских не считает правильным конвертировать свое численное преобладание в стране в политические преимущества. На протяжении многих лет около почти две трети русского населения поддерживают тезис - "Россия - общий дом многих народов, и все они должны обладать равными правами". И как только у русской части населения возникает ощущение, что государственная власть способна защитить Россию и уберечь ее от *"растаскивания"* и что она ориентирована на общий интерес и стремится справедливо и разумно решать проблемы, вызывающие межнациональную напряженность, националистические организации теряют у нее всякий политический кредит.

Надо отметить, что *в последние годы в массовом сознании россиян шел процесс изменения эмоциональной тональности восприятия других государств и народов. Сегодня отношение практически ко всем странам, составляющим "активный" внешнеполитический горизонт России, стало значительно более прохладным и настороженным. При этом наиболее знаменательные и резкие сдвиги в системе координат "мы" - "они" наблюдались на протяжении всего десятилетия реформ в отношениях россиян к Западу.*

В середине 90-х годов многие россияне приходят к убеждению, что западный путь развития, при всех своих привлекательных сторонах, для России неприемлем и в наших условиях не может быть реализован. Весной 1998 г. к тезису *"Россия - особая цивилизация, и западный образ жизни в ней никогда не привьется"* присоединилось примерно 68% респондентов, в октябре того же года - 71, в 1999 г. - 78. Одновременно доля наших сограждан, считающих, что Россия должна жить по правилам, принятым в современных западных странах, сократилась примерно на треть - с 30 до 22%.

Первоначально эти сдвиги в массовом сознании имели характер внутреннего самоутверждения. В частности, они не имели никакой антизападной направленности. Эйфория, связанная с необоснованными ожиданиями, прошла, но уровень симпатий к США и ведущим странам Западной Европы оставался высоким. Однако всего несколько лет спустя в общественных умонастроениях происходит заметный перелом. Его пусковым механизмом послужили действия НАТО в бывшей Югославии (весна-лето 1999 г.). В результате *образ Запада в российском самосознании стал прочно ассоциироваться с факторами угрозы*. При этом следует особо учитывать, что сегодня россияне чувствуют себя значительно менее защищенными, чем 5-6 лет назад. Доля населения, считающая, что России реально грозит агрессия из-за рубежа, увеличилась в 2001 г. по сравнению с 1995 г. с 18% до почти 40%.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на очевидные трудности в выстраивании взаимоотношений с Западом, в целом позиция россиян не является конфронтационной. Западничество по-прежнему сохраняется в России как влиятельная идеологическая установка. Правда, под влиянием опыта реформ оно внутренне дифференцировалось, приобретя значительное число оттенков и градаций. Так, в 2001 г. после некоторого спада вновь зафиксировано увеличение числа респондентов, считающих, что Россия должна жить по тем правилам, что и современные западные страны (1998 г. - 30%, 1999 г. - 21%, 2001 г. - 30%). Тем не менее количество согласившихся с тем, что нам надо повернуться лицом к миру и стать "такими же, как все", сократилось по сравнению с 1995 г. примерно на треть (с 62 до 42%). К тому же люди стали чаще выражать мнение, что Россия тяготеет не к Западу, а к Востоку (1995 г. - 12%, 2001 г. - 20%). Не исключено, что, продемонстрировав свою способность взаимодействовать и с Западом, и с Востоком на равных, В. Путин способствовал изменению социально-психологической атмосферы в стране, развеяв (или, по крайней мере, ослабив) целый ряд тревоживших россиян фобий и комплексов.

Последнее десятилетие знаменовало собой в России быстрые, всеохватывающие изменения, которые затронули все сферы жизни россиян. Эти изменения, по сути революционного характера, происходили по классической для всех революций схеме - "революция ожиданий", эйфория и подъем, затем разочарование, психологический спад и, наконец, стабилизация экономической и политической системы, сферы социальных отношений, массовых умонастроений и социальных чувств. На начальном этапе российских реформ в общественном сознании возобладал некий умозрительный идеал, сконструированный из фрагментов, с одной стороны, советской системы (социальная справедливость, государственный патронаж и т.п.), а с другой - из отдельных норм и принципов, заимствованных от западного образа жизни (высокий жизненный стандарт, свобода выезда, свобода слова, выборность органов власти и т.п.). Можно, конечно, спорить о том, насколько эта модель была реализуема, но фактом является то, что представления общества о базовых ценностях и целях развития страны очень скоро разошлись с той моделью жизнеустройства, которая утверждалась на глазах людей в действительности и которую можно определить формулой "каждый за себя, один Бог - за всех". Негативное развитие событий в начале-середине 90-х годов (экономический спад, задержки зарплат, снижение жизненного уровня, чеченская война, олигархизация власти и т.п.) лишь усугубили резкий "откат" общественного мнения.

Разрыв между идеальной моделью реформ и ее практическим воплощением стал очевиден очень быстро, и тем не менее на протяжении ряда лет (1992-1998 гг.) общество мирилось с предложенными правилами игры. Однако кризис августа 1998 года девальвировал подобную иллюзию. Именно с этого момента наши исследования, и исследования других социологических центров стали фиксировать определенную рационализацию и прагматизацию массового сознания, формирование общественного

запроса на эффективную и дееспособную власть, который нашел отражение в избрании президентом страны В. Путина. Предложенный анализ позволяет, хотя и с известными оговорками, охарактеризовать наступивший период *как постпереходный, стабилизационный* по крайней мере в той части, которая касается общественных ожиданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ По репрезентативной выборке во всех территориально-экономических районах страны, а также в Москве и Санкт-Петербурге было опрошено 1750 респондентов от 18 лет и старше, представляющих 11 социальных групп населения: рабочие предприятий, шахт истроек; инженерно-техническая интеллигенция; гуманитарная интеллигенция (ученые, преподаватели вузов, учителя школ, училищ); работники торговли, сферы бытовых услуг, транспорта и связи; служащие; предприниматели малого и среднего бизнеса; военнослужащие и сотрудники МВД; жители сел и деревень; городские пенсионеры; студенты вузов; безработные. Исследование проводилось в 58 поселениях, пропорционально населению мегаполисом, областных центров, районных городов и сел. Вместе с тем эмпирической базой настоящей статьи послужили результаты исследований, проведенных Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП) в период 1992-2000 годов, по программе социологического мониторинга динамики массового сознания россиян. Поскольку исследования осуществлялись по однотипной модели выборки с использованием ряда однотипных вопросов (показателей), имелась возможность осуществления сопоставительного анализа, раскрывающего не только нынешнее состояние массового сознания, но и тенденции его развития, особенности проявления на различных этапах реформ.
- ² Данные взяты из исследования The International Social Survey Programme "Social Inequality II" (ISSP - 1992, проводившегося в 1991-1993 гг. в 17 странах Европы и Северной Америки, включая Россию). Численные значения, полученные в ходе нашего исследования 2001 г. Элитные круги и "социальное дно" находилось вне поля нашего рассмотрения.
- ⁵ Медианный (т.е. наиболее типичный) доход в нашей выборке составлял 1400 рублей на человека в месяц, различаясь в зависимости от региона от 900 рублей - в Центрально-Черноземном регионе до 3000 рублей в Москве.

Материал к публикации подготовил В.В. ПЛАТКОВСКИЙ